

Тихий, таинственный свет исходил от лика его. Теплилась лампадка у тёмной иконы преподобного. Огоньками смотрели очи изображенного на убранство храма. Ласково мерцали. От видящего исходили лучики давней жизни. Строгий лик смирял успокаивающегося Кузьму, и в душу его проникала тайна. Ему казалось, что образ старца ожил, он смотрит сверху так проникновенно, задевая чувства кузнеца. Монахи, вошедшие чинно, баском запели заутреню, пятидесятый псалом. У древних, смоляных от века образов зажглись многие свечи, озаряя красоту иконостаса, серьёзные лица молящихся. Инок, стоявший у гробницы в изголовье Преподобного Сергия, запел кондак, величание и стал непрерывно молиться. Перебирая чётки, шептал поминание, шевелил густыми усами. Монах был средних лет, высок и сухощав, в чёрной рясе, препоясанный. Архимандрит у царских врат окончил молитву. Иеромонах зашёл к алтарю, вышел неспешно с кадиллом на звенящих цепях, овеял иконы, кланялся каждой. Попыхивал дымком на просящий люд, двигался, будто плыл в ладьюшке.

Дивно и приятно человеку, так бы и стоял вечно у стены.

Архидиакон скромно стоял у огороженной сени, медленно перекрестился, поклонился. Невысокий иеродиакон принёс ему на подносе записки. Высокий чтец бережно

взял их, положил на край сеней, на бархатный зелёный покровец к Евангелию. Поднял руки ладонями к своду. Покрестился, поправил на тощей груди серебряный крест и, поднимая стопы листочков, со вниманием читал:

– Помяни во Царствии Твоем раб Божиих: Кузьму, Фому, Якова, Таисию, Александра, Василия.., – откладывал прочитанное справа на кожаный требник, благопристойно, с чувством крестился и делал поклоны.

– Даруй здравие рабам Твоим: Анатолию, Раисе, Виктору, Фёдорову, Василию, Антонине, Ольге, Анастасии, Георгию... – всё читал с напевом и добротой.

Кузьмич тоже смиренно молился за отца и мать, за братьев родных и двоюродных, за ближних семьи, о друзьях.

Он уже с конца прошлого века, с девяностых ездил на поклон в Лавру, к Игумену земли родной. Любовался старинным городом, речкой, лугами, прудом с купавами.

Останавливался обычно в странноприимном Доме на ночлег в Пожарном переулке... Влекло его душу к сияющей Лавре, манящей синими куполами церквей. И ходил Кузьма через холм-площадь, усыпанную купцами торгующими: богородской, абрамцевской, сергиево-посадской резной игрушкой, с палехскими, федоскинскими шкатулками.

Тянуло кузнеца к красным кирпичным домам с коваными балкончиками и причудливыми рукоятями дверей. Разглядывал памятники, в заповедном музее крестьянского быта радовали его сердце: охлупень – голова коня, резные створки, деревянные бочки, братины, вязаные половички, люлька на полозках, покрытая ситцевой юбкой.

А так выдавшимися сокровенными днями хаживал Кузьма к Преподобному. Подолгу, часами стоял он у шатра, каялся не при творно, надеялся на благословение, улавливал знаки надежды на прощение.

Наведывался по приезду в Серапионову палату, где каждой косточке, гробику, скуфеечке делал поклоны, сапожку святого – целование, иконкам золотеньким душу открывал, заглядывался на плоды подвижников подолгу. Не сказка ли: все эти сохранные сокровища видеть ему, недостойному? Медленно бродил по храмам монастыря. Изучал. Выходил через дальние воротца.

Бывало, ездил в Черниговский скит поклониться мощам Преподобного Варнавы Гефсиманского, спускался в мрачные ободранные подвалы нижнего храма, в осквернённые кельи, слушал страшную историю от хрупенькой экскурсантки – в эру красную внизу были казематы. Различал в росписях застывшие стоны эпохи, ветхих старцев с фресок, тлеющих на стенах, от забытых изографов, – колыхались будто их тонкие одежды.

Даже поведал однажды своим друзьям про необъяснимый случай, происшедший с ним в сыром подземелье. Когда он склонился,

черпнул горсть воды, освежил лицо, испил. Как вдруг от стены шагнул к нему старче и что-то пытался сказать.

Проникался любовью к монашеству, к чудной лавре с цветами, к берёзам, каждому молчащему камню. Он возвращался в грёзы памяти о Руси, ему напоминали о том усыпальница Годуновых, грубые гранитные кресты у могил в литых оградочках. Потускневшие надписи на мраморных плитах. Одоевские, Глинские, Оболенские – летопись России...

Где же теперь келейник Преподобного Сергия, Михей? Преподобный Никон?! После ухода первого Игумена держал монастырь, не о себе печаловались, служили Господу, миру княжескому, чтоб без смут... Где они ныне? где души их, в каком они поднебесье? чьи жнут молитвы? Там их обитель нерукотворная, вместе со старцами и с Сергием они с Господом.

Много разных книг прочёл Кузьма о монашеству, о святынях. Знал и с иеромонахом Лавры. Со святыми отцами говорил, заходящими в Троицкую Лавру по случаю. Ему повезло с двумя.

– А что, отче Геннадий, я вот состарюсь, возьмут меня монахи в монастырь на житие, грехи замаливать? Как душе хочется за оградкой, внутри, у стен Божиих уснуть вечным сном, – вопрошал наивный по-детски Кузька старого паломника-трудника, ветерана войны с немецкими фашистами. Был он где-то в Коломенском монастыре послушником, на жительстве. Земляком ему значился с Уральской земли.

– Да ты что, мил человек Кузьма, кто же ты возьмёт? Кому ты в

старости будешь нужен? Ты сейчас беги, – отвечал ему авторитетно старик.

– Кушайте, отец Геннадий, на здоровье, кушайте ковригу, пока тёплая.

– Знаешь, Кузьма, что старый игумен у нас и старцы поговаривают? Будут времена ещё тяжелее, чем при красных Советах. Такие гонения начнутся, многим будут клеймо ставить, кто не дастся – спасётся, кто клюнет – тот сгинет вовек, – говорил, перебирая край рукава своей сутанки монашек. – Какой-то льстец, паршивец, к власти придёт, все сперва ему поверят. А потом, будут храмы рушить.

– А как предупредить? Противоядие есть?

– Добро и любовь победят. Знаешь, почему пять дев юродивых отвергнуты были?

– Верили плохо?

– Нет, милёнок. Любви не хватало. Любви. Монахи вот молятся о всех. Но и ты должен молиться о всех, не о тех только, кто рядом, а и о родных и друзьях. Но молись, как святые старцы рекут, и о тех, кто в тюрьме, в неволе, кто замучен болезнью, кто ворует. Всех спасёт любовь! Бойся, кайся и молись. И знай, что ты никто, ты пух травы, как эта веточка, сегодня есть, завтра нет тебя. Ты земля и пепел. А так пойдём к нам, потрудишься, подумаешь. Я с Игуменом поговорю, чать уговорю. А? Кузьма?!

– Да спасибо, батюшка. Но я не могу пока, у меня дети малые, надо помочь им. Туда уйду, чем помочь? Молитвой? А не поймут? А так я хочу честно в старости бросить свои кости подальше от суеты в кельюшку, к монахам, Богу послужить трудником, коневодом. Ать,

кузнецом: кресты, колёсные обручи, подковы ковать, решети наковывать. Монашенком прибиться, заякориться в пустыньку. А ну ладно, отец Геннадий, счастливо вам, буду помнить.

– Ты далёко? Пойдём-ка, я тебя покормлю, – говорил заботливо богомолец. Взял под руку кузнеца и повёл в паломническую трапезную. Попотчевались худыми щами, кашей пшеничной, компотом.

Набрал Кузьма водицы, стекающей тонкой струйкой из поперечины каменного креста, что в ротонде, в бутылочку, святочной для домашних.

Однажды глубокой осенью пару дней кружился девственный реденький снежок в сиреневых сумерках. Кузьма исповедовался молодому монаху. Монах длинными волосами, согбенным видом напомнил Кузьме замкнутого Гоголя.

От покровца и кроткого прикосновения макушки при крещении, от разрешения и прощения юным святым Кузьма Головин зарыдал. Так давно не плакал он. Полегчало ему. С повинным благодарением кузнец бросил в щель церковного ящичка копеечку, постоял, пошёл на причастие. Повезло ему тогда, подпустили к драгоценной чаше в самом Троицком Соборе, в царственном окладе мощей Игумена Сергия.

Почуял кузнец состояние детского умиротворения, как бывало давно, когда он безвинный, юный носился беспечно по тёплым лужицам босиком, мокнул с песенкой под ласковым июльским дождём. Радовался запаху земляничного леса с сыроежками. Сверкающим

лучикам сквозь ветви. И удерживал он это состояние духа, после принятия Даров святых, когда облизнул ложечку, – принял причащение с плотюшкой. Восприняла дрянная (так он себя костерил) плоть любовь высшую.

Отошёл он к иконе Архангела Михаила, достал из-за пазухи молитвенник, прочёл благодарения, вынул из кошелки потрёпанный листик с древними кондаками XIV века преподобному, кои в Москве ещё учась, разыскал в читальном зале Андреевского монастыря, и бережно переписал, всегда возил его с собой. Он внутренне сиял, с детской радостью смотрел на монахов, на святые стены собора, расписанные Андреем Рублёвым.

Стоял раб Кузьма, и казалось ему в то мгновение, что попирает он не яшмовый пол святыни, а вместе с написанными людьми на сводах, с князьями в садах, с пастушками по травке ходит. Будто он с волхвами кланяется светящемуся лучиками младенчику, кладёт в люлечку цветочки незабудки, у стожка гладит ослика, слышен ему вдали колокольчик... На осьмом безвестном благоуханном холме обретался его дух. Потерял времени качание, забыл день и где он теперь. Причащение сделало его снова мечтательным ребенком.

От долгого бодрствования с четырёх часов утра Кузьму потянуло в сон. Народ всё прибавлялся, Кузьма протолкнулся вперёд, поближе к иконостасу. Стоял, перетаптываясь в полшага от правой колонны с образом святого Николая чудотворца, славословил. Плотно стоящие друг к другу мужи сдавили с обеих сторон пле-

чи, чуть приподняли Кузьму. И от тепла, в молитвах он провалился в дремоту.

Очнулся кузнец присевшим у столба с огороженными большими иконами в рамах. Паломников осталось меньше. Он задумался о Преподобном. «Как же мог боярский сын в то не спокойное войнами время оставить обеспеченный семейный уклад, житейский порядок, городской мир? Почему стал искать уединения отрок Варфоломей? Что привиделось ему, что открылось его сердцу?»

Встал Кузьма в очередь к серебряной раке с мощами чудотворца. Подошёл ближе к ликам Богоматери, Архангелам, поджигал и ставил свечи. Он всматривался и заметил: все изображённые царственные святые дышали еле заметно. Так ему виделось давно, когда он бывал в монастырях и церквах Московии.

Руци на иконах едва покачивались, выводили перстью знаки. Ему открывалось, что писали будто святые ему неведомые никому слова, чем-то остерегали, хотели поведать смыслы... Чудное видение было Кузьме: дыхание Божией Матери, хитон Ея вздымался, токи исходили жизненные от Неё волнительные, необъяснимые языком.

Часто замечал Кузьма: душа его перелетает времена. Близки ему и понятны «Русская Правда», «Кормчая», «Соборное уложение 1649 г.», «Суды присяжных», «Своды законов Империи». Помнил кузнец от бабушки Таисии с детства сказочные молитвы: «Отче наш» и «Сохрани, помилуй мя, Боже». Врезалась в ум молитва мамы: «Господи, прости мою душу грешную».

Вспомнил Кузьма, как пару лет назад один знакомый монах С., кандидат исторических наук, ученый, подался в Сергиев Посад к монахам. Говорит: «Поезжай сегодня же, там молебен всю ночь. Покаешься, наутро причастишься. Поищи духовника».

Было тогда тошно на душе у Кузьмы. В семь часов полетел он на Ярославский вокзал, боясь не успеть. Примчался в Сергиев Посад в начале десятого часа. Темно. Он с автобуса сошёл, с ним ещё монашек лет двадцати пяти.

– Здравствуйте! Скажите, а еще монастырь работает, сегодня ли всенощная?!

– Вряд ли, сегодня же пятница. Завтра всенощная.

– А, побегу, может, еще застану, – всполошился наивный Кузьма.

И пулей, а там светофор. Остановился, переминается, всё торопится. Ждёт. Подходит тот же монашек худенький, говорит:

– Какие вы быстрые, бегом, а я дошёл.

– Да, я постоянно суечусь и все зазря.

– Вы как лягушка на молоке: та всё бежала, бежала да сметану сбила, – улыбнулся священник.

На зелёный метнулся Кузьма к монастырю. Подбегает, заперты ворота. Только голуби стайкой сбились у крепостной стены. Охранник говорит: «Нет. Не впущу. Завтра».

Подходит снова монашек:

– Подождите, я сейчас попробую с ним договориться.

Пару слов стражу шепнул. Кузьме пропустили в Лавру.

– Спасибо, я должен успеть к старцу, – взбодрился опоздавший.

– Не поздно ли?! – серьезно спросил монах.

Серебряные ели, фонари горящие радовали: Здравствуй, Лавра.

А сам идёт быстро и причитает: «Преподобный отче Сергей, прости. Я задержался в пути к тебе. Мне к гробнице твоей, к тебе очень уж надо. Сжался надо мной убогим».

Подошёл Кузьма к дверцам в усыпальню. Стоит крупный монах, не выпускает: «Опоздал». Взмолился Кузьма Преподобному Сергию, и вдруг ему полный монах: «Проходите, но не долго, минуто».

– Господи, Святый Боже, отче Сергей!

Зашёл быстро, положил медь, взял пару свечей. И к гробнице. Возжег, подошёл в створки царственных сеней. Серебряные ризы, икона, всё мерцало под огнями. Кротко взошёл и рухнул на колени. Душу Ему принёс окаянную. Заплакал от благодарения и любви к Преподобному. Утешился. Помолвил, чтобы Преподобный послал ему для отдушины и покаяния духовного отца.

Не стал докучать дежурному. Встал, поклонился и вышел под звёзды.

Лёгкий тогда хвойный ветерок подул, послышалось Божие колыхание.

Глядит Кузьма, от келейного корпуса похожий на того монашек идёт на дорогу. Сошлись ближе – точно он.

– Ну как, посетили старца? – поинтересовался бодрый юноша весь в чёрном: с головы до ног.

– Да, спасибо, если не вы, и не получилось бы зайти. Благодарствую.

– Спаси, Господи. А вы далеко теперь направляетесь?

– Да переночевать бы здесь, скоротать время до заутренней, – пооткровенничал Кузьма.

– Негде в эту ночь, здесь не выйдет. Сам в богадельню иду.

– Тогда я пойду, поищу пристанища, помню, дом был недалеко, для приезжих. Не знаю, работает ли?

– Я туда и направляюсь, пойдёмте вместе, – спокойно ответил черноризец.

– Ну и хорошо, может, ещё разрешат переночевать.

Лавра погрузилась в безмолвное моление. Где-то теплились огни за сокровенными оконцами.

Двое путников вышли за ворота монастыря, прошли под луной небольшую площадь. Мимо памятника Игумену Сергию, вдоль пруда, пересекли главную улицу и зашли в переулок. Подошли к калитке, постучали. Часовой спросил документы. Кузьме пришлось доказывать, что он не посторонний, – показал книжечку со своей работой. Впустили, провели на кухню, накормили обоих гостевых гречневой кашей с киселём. Определили им комнату с другими на первом этаже.

Занял Кузьма местечко, сидя помолился. Подложил под голову

свитерок, всем пожелал спокойной ночи и уснул.

Будильник зазвонил в четыре. Вначале пятого Кузьма заходил на службу.

Именно в ту поездку очень ему требовалось встретить старца, кто бы мог его выслушать, проникнуться душою и помочь.

Пробыл утреннюю службу монахов в соборе, приложился гробнице, сильно просил Преподобного Сергия. И стал осматривать по храму, к кому подойти. Не мог найти ни души, все были своим заняты.

Начался день. Вышел богомолец на подворье к сторожке, через неё монахи по обычаю ходят на трапезу. Но никого нет подходящего. Потянуло Кузьму снова к Троицкому собору. Видит, идёт небольшого росточку старец, особенный какой-то, в высоком чёрном клобуке, с реденькой бородкой, благолепный.

Странник за ним поспешает, нашептывает в ухо. Инок на ходу отвечает, вдруг паломник отошёл. Шествует старец один. Набрался духа Кузьма и к нему:

– Здравствуйте, дорогой святой отец. Да благословен Господь наш Бог веками. Доброго Вам здоровьяшка!

– Здравствуй, мил человек. Какой же я тебе святой, только Господь свят.

– Можно ли к Вам обратиться?! Я приехал из Москвы заутреню молился Богу, чтобы он послал мне духовного старца, посоветоваться.

– Что у тебя, наболело? – спросил векового возраста благообразный старец.

– Да, отче. Тяжело на душе, – понурил голову Кузьма.

– Вот видишь место у храма, приходи через час, здесь меня застанешь, может, поговорим.

– Спасибо.

Пошёл в церковь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Время медленно текло.

Дождался, узнал старца. Подошёл.

– Ну, рассказывай, откуда есть, что на сердце?!

И повёл тихонько Кузьму своими дорожками.

Ходили они вдвоём. Разговаривали о жизни, по душам. Поднимались медленно наверх, к зданиям семинарии, шурша листьями, рассматривая храм, деревья. И по саду прогуливались у зарешеченных окон, вернулись к кельям, где живет монах.

– Говори, не стесняйся, всё как на духу мне поведай, – выпрашивал прозорливый чернец, перебирал чётки, подкармливал хлебушком слетающих голубей.

Постояли у ризницы. Прошли за алтарной полукруглой стеной Троицкого собора на хозяйские дворы монастыря.

– А знаешь, в тебе что-то есть, – прищурившись, тихо говорил Кузьме иеромонах. – И сердце, видно, у тебя не потеряно. Чую, любит тебя Бог. Чаще молись, ходи в церковь. Вот скажи: что значит мысль человека, о чем ты можешь думать, и что это? откуда они берутся?

Начал Кузьма перечислять всё, что знал, пальцы загибал.

– Нет, всё не то... Блажь... Не от Господа мысль, почти всегда, знай, она не твоя. Помыслы от лукавого, они не истина, но Господь отво-

дит от тебя беду. Посему молись и доверяйся Богу.

.....

Весь день Кузьма до вечера бродил в раздумьях по монастырю, вникал советам, наставлениям таинственного монаха. Часы провел в книжной лавке. Почитал из наставлений Паисия Святогорца, Иоанна Дамаскина «О Ангелах и силах».

Время настало, спустился в пещерный храм. Пришёл заранее.

Поставил Патриархам Алексею I, Пимену благодарные свечи. Приложил их белым гробницам. Рассмотрел посохи, облачения, митры, что под стеклом хранятся.

В проходе затеплил свечу у Исцелителя Пантелеимона за здравие родителей.

Пришли молитвенники. Иеромонах стал тихо и с чувством, певуче, боголепно молиться – казалось, воплощенный Ангел небесный, Кузьма видел прозрачную тень Архангела за правым плечом праведника. Священнонок помянул всех игуменов Лавры, патриархов, святых отцов по именам, князей, священномучеников. Молебен закончился. Окуная кисть в латунный кувшинчик с водицей, освятил хлеба, корзинки со снедью, молящихся. После ковшиком он медленно наливал в чашечки, благословлял испить, а затем его помощница наполняла бутылочки паствы.

Вышли. Он Кузьму спросил: Был, видел, ну как я читал?

– Здорово, – смущенно, с глубоким почтением тихо говорил Кузьма.

– Ну поезжай, я тебе все сказал.

Благословляю найти духовника там.

Кузьма проводил старца к кельям. У подмостков иеромонах поднял с земли пожелтевший кленовый лист.

– Я всегда их собираю, на тумбочку складываю, коплю. Вообще-то мне наши монахи, тут которые, не разрешают, чтобы я кого окормлял и был духовником. Порою и сам я боюсь сердцем привязаться. Вот придется кто мне по душе, я его полюблю, а он раз – и уедет. Забудет, меня не попроведает. Привяжусь себе на голову. Сердце же не камень. Буду переживать.

– Да что Вы, отче И., буду ещё.

Кузьма откланялся и спустился на дорожку. Поднял багряный лист. Уходил лёгким, с просветлённой совестью и надеждой.

Тут же зашёл Кузьма во дворец монастырской ризницы, в иконный магазин при музее Лавры. На втором этаже прикупил на даренные ему деньги в день рождения три памятных ремня с молитвами, с латунными пряжками; на одной чеканка: «За ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО» – в центре, под короной, инициал буквы Имени Царя Николая II, на обратной стороне прошитой по бокам ленты кожи – девятый псалом и Молитва Кресту, на каждом слова выбиты. Пряжка другого: два льва когтят древо жизни. На третьем: Византийский Крест Царя Константина, явившийся Василевсу знаком на небе, в день битвы: «СИМ ПОБЕДИШЬ», с буквами Р и Х.

Дело было сделано. Грехи отпущены. Поехал Кузьма восвояси окрылённый.

.....

Прошёл год, два ли. Кузьма так же приезжал в Лавру. Однажды пришёл, всю вечерню с пяти часов до десяти молился в Троицком соборе, а потом, после покаяния, ночь напролёт простоял на молебне уже в Трапезном храме. В ночь народу столько нашло, – притулиться негде. И все шли да шли, брали свечи, шептались, писали записки, ставили свечи наблюдавшим с икон святым.

В два часа стали люди ковры брать, что у стен в затулках стояли, да расстилать их на полы, кто где, кому куда Господь на душу положил... Решил и Кузьма прилечь под иконой, обошел притвор, середину, у горки – яблоку негде пасть. Места не было. Не лежать же ему в ногах у старухи и старика... Все полы усеяны богомольцами. Подумал рискнуть, снял ботинки и, крестясь, протиснулся мимо амвона, прополз под натянутой бечёвкой на солею. Шмыгнул на цыпочках направо, нащупал под лампадами жесткую лавку, лёг на неё и пытался задремать... В забытьи дремотном он проваливался куда-то, ворочался. И когда Кузя стал крепко засыпать, вдруг на него в грудь прыгнуло и вцепилось что-то. Да так неожиданно, противно, казалось, кто-то прорвался сквозь левую ключицу внутрь. «Когда ангел слетает или вещает, – думал он, – должно быть тепло, уютно, блаженно. А это же нет. Неприятно. Что же это было?»... В молитвах всё же он успокоился, улетел...

А поутру, в сумерки, в шесть, твёрдая рука сторожа будила бродяжку: «Что вы здесь делаете? Как

вы посмели сюда залезть? Сейчас же уйдите. Места вам не хватило. Это что ещё такое».

Не знал.

Вылез из ограды на носочках, чтобы не разбудить спящих, по ступеням ниже, нашарил свои ботинки и лёг у амвона в общий ряд со спавшими паломниками. И доспал до утрени.

...Все уже ушли, а он только проснулся, встал, когда зашуршали и гремели во всю служки и дьячки, убиравшие ковры, стелили другие. Готовились к поспразднеству Яблочного Спаса, зажигали лампы и свечи.

Через час его не подпустил седовласый старец к чаше; когда Кузьму спросил:

– С бабой живёшь?

– Да, – ответил Кузьма, – встречаемся с девушкой, завязались отношения, не расписаны и не венчаны. Но я хочу ехать и делать всерьёз ей предложение.

– Так вот поезжай и решай. Сегодня грехи отпускаю; а там как получится, как женишься, так и причаститесь.

Домолился Кузьма. Пошёл в обед, спросил у дежурного, где его добрый знакомый иеросхимонах И. Подсказали.

Дождался, встретились. Нынче молитвеннику гостинец привёз кузнец. Хоть как-то подогреть отшельника. Прошлись, заговорили. Рассказал монаху Кузьма про эту ночь на солее. Улыбнулся иеросхимонах. Погладил по плечу и произнес, смотря на купола: «Повезло тебе сегодня».

Так и уехал Кузьма с любовью в сердце и с большими планами по благословению добрых старцев

Лавры. Давно он полюбил старинный монастырь.

...А тот монашек, что был проводником Кузьмы, оказался из далёких Кавказских сёл, быть может, из святых мест Абхазии.

Он думал встретить его у Команских святынь.

И сам, по любви к Русскому Афону, посещал осенью горы, где у подножий бурлит горная речка, а выше монастырь с каменной гробницей Иоанна Златоуста, проспавшего в рубленой домовине тридцать лет.

Брал благоговейно маслица из лампадки у святыни. Поцеловал бледную Главу Иоанна Предтечи на подносе. Его сердце тянуло поговорить с высоким затворником, он робел, стеснялся Игумена. Но всё счастливо устроилось, и Кузьма уезжал с благословением, с напутственным словом праведника. Чуть ниже набирал живой водицы у источника святого мученика Василиска, что был растерзан басурманами.

И ехали они, замороженные, медленно всё выше и выше к вершинам священной горы.

И приехавши назад в задымленный кавказский городок, Кузьма написал письмо двоюродному брату В. Мальцеву в Белоруссию, в Новополоцк.

«...Володя, я видел в ноябре сомкнутые глаза, выражающие страдания всего человечества. Ту боль, которую невозможно выразить народным языком, описать словом.

Когда я увидел лицо, бедное, родное лицо мученика Иоанна Крестителя на грубой скале в пещере,

я не выдержал и заплакал. Братец, я так плакал второй раз в жизни. Первый, когда я прочувствовал и понял всю боль, как страдал Иисус Христос, когда Его распинали, и он от мук умирал ради... нас с тобой. Это было в далёком детстве, у тёти Аси, я раскрыл старую книгу, а там был на кресте Бог... Страдающий... было мне не больше десяти лет.

И сейчас, спустя тридцать пять лет, когда я представил, что чувствовал Иоанн Предтеча, Кре-

ститель Господень, перед тем как Ему отрубили голову...

Мне так было прискорбно и счастливо, что моя мечта сбылась: я приложился нерукотворного Образа того, Кто крестил для Спасения человечества Сына Бога, Господа Иисуса Христа. Я почувствовал, как от закрытого очами Лица пахло теплым ржаным хлебом и от Него шло тепло.... Я припадал к Нему щекой... Мне было нестерпимо Его жалко...»

Екатеринодарь.
В третий день Рождественского,
Филиппова поста.
30 ноября 2016 г.